

РАЗМЫШЛЕНИЯ

УДК 159.9

Донченко Е. А.

ПСИХОФРАКТАЛЫ. ДИСТРЕССОВЫЙ ОПЫТ ОБЩЕСТВ

С позиции теории психофракталов рассмотрена структура социального поля народа и этноса, его характерные архетипы, механизмы воздействия народа на действия власти.

Ключевые слова: соционика, социальное поле, ментальность этноса, психофрактал, стресс, дистресс, дух народа.

Практика трансформационных процессов в Украине ставит такие вопросы и задачи, которые невозможно успешно решать без осмыслиения и погружения в надсистемные, полевые характеристики. Имеется в виду учет некоторых открытий квантовой механики (о чем уже шла речь выше) для разработки понятия *психосоциального поля*, представляющего собой арену порождения и воспроизведения мира интра- и интерсоциетальных отношений, т. е. отношений между структурами внутри социума и вне его. Электромагнитное поле уже не воспринимается сегодня как пустота. Оно живет своей жизнью, и мы уже давно могли в этом убедиться, подключившись к нему с помощью определенной аппаратуры — телевизора, мобильного или радиотелефона и т. п. Такие же свои материальные воплощения и законы их функционирования имеет психосоциальное поле, в котором, как в квантово-историческом архиве, сохраняется найправдивейшая информация о значении для общей атмосферы доминирующих паттернов поведения, стереотипов мышления, коллективных представлений, причинно-следственных связей и т. п.

К сожалению, такой сверхсложный предмет, как социальное поле, не изучается на базе синтеза наук. Дифференциация научных дисциплин достигла в конце минувшего тысячелетия своего «пика абсурда», что до сих пор закреплено организационно, институционально и, что крепче всего, — психологически. В результате, с одной стороны, биофизикой остается недоизученным когерентное поле человека, медициной — торсионные и биоэнергетические поля, кибернетикой — информационные поля, теорией систем — системные поля, а психосоциальными науками — социальные поля. Хотя в реальности все эти поля каким-то образом взаимодействуют, влияют друг на друга и на то, что попадает в эти поля. В том числе физическое и психическое здоровье, поведение, переживания, в конечном счете — жизнь и судьба людей.

Пространство — это не только географическая территория, это прежде всего — психосоциальная территория, насыщенная определенной энергией и информацией. В пространстве архивируются все виды массового сознания и коллективных представлений народа. В эстетике архитектуры, наличии либо отсутствии культурно-исторических памятников событий и персоналий, в качестве построенного и количестве разрушенного, в логичности либо алогичности социального и архитектурного структурирования, в степени сохранности природных богатств, в названиях деревень, городов и улиц, в наиболее уважаемых книгах и во многом другом хранится самая настоящая психология людей, здесь обитающих, и прежде всего их отношение к себе, своей истории, своему Дому, прошлому, настоящему и будущему. И это пространство формирует человека не в меньшей степени, чем все известные институты социализации — семья, детские и взрослые учреждения и организации, «улица» и друзья. Это пространство говорит о *духе народа*.

То есть пространство, на наш взгляд, является главным представителем коллективного психического, надличностного (но в то же время отражающим волевой потенциал общества) фоном формирования более живого и подвижного *поля* смыслов и психологических проблем. В поле как действующей структуре взаимосвязей и взаимозависимостей, т. е. структуре отношений, продолжается развитие психологии общества и человека, в нем фор-

мируются, видоизменяются, исчезают, работают разные личностные и групповые идентичности, из него рождаются новые смыслы и отношения, в нем кроется *душа* общества.

Наиболее существенной психосоциальной характеристикой поля является тип, характер обмена энергией (чувствами, эмоциями, отношениями, поступками, оценками, работой) и информацией (всем остальным) между его структурными элементами. Именно он и транслируется в окружающий мир, в частности подспудно регулирует культурное, политическое, геополитическое и, конечно же, психологическое качество сообщества.

На мой взгляд, психосоциальные характеристики поля, несмотря на его неделимость и целостность, возможно и необходимо дифференцировать на: 1) относительно устойчивые, определяющие прирожденный, органический образ жизни общества, его мотор, представляющие определенный психокультурный код общества и 2) изменяющиеся под воздействием политической и технократической динамики, но изменяющиеся по-разному: одни изменения могут носить конструктивный характер, положительно резонирующий с органическими шансами социума, другие — деструктивный, механический, формирующий и удероживающий дистрессовый¹ опыт социума, его неосознаваемые психические комплексы.

Первую группу характеристик и представляет СПФ, *представляющий своеобразную метапрограмму, метаназначение и метапсихологию определенного народа*. Благодаря теориям, синтезирующими наиболее выдающиеся достижения науки с наиболее загадочными проблемами предыстории человечества, остается все меньше сомнений в том, что человечество в целом имеет определенную сверхзадачу, метацель, поставленную перед ним иной цивилизацией (Космосом). Народы в свое время (Вавилонская башня) были разъединены, наделены разными языками и разными задачами. Шансы для решения этих задач в связи с разными условиями жизни на Земле также оказались разными. Эти первоначальные «моменты сборки» социальных сообществ являются для народов тем же, чем для человека его психофрактал — метапрограммой бытия. С тех пор и поныне СПФ (или социокод) — это глубинный регулирующий фактор функционирования общественных систем.

Наиболее информативным в плане выведения общественного предсознания в область отрефлектированных коллективных представлений о своем глубинном «Я» представляется народное творчество — сказки, пословицы, поговорки, мифы и т. п. Взять хотя бы пословицы Даля, в которых *о жене* — половину положительных, половину отрицательных высказываний, *о царе* — все положительные, а *о судье* — все отрицательные. Для людей целостного прошлого царь был наместником Бога на земле, а судья — «такой же, как я»: «кто он такой, чтобы меня судить?»... Жена — это уж как кому повезет, кому — пироги и пышки, а кому — синяки да шишки...

Психосоциальное поле, возникающее вследствие упроченных практик взаимоотношений разнообразных общественных структур и элементов, может иметь разный уровень интенсивности и проявленности элементов этих взаимоотношений, разный уровень напряжения между судьбоносными отношениями. Поле как индикатор отношений определенного типа (силы, интенсивности, продолжительности, валентности и т. п.) бывает холодным, теплым, просторным (где много воздуха и легко дышать), тесным (где душно), напряженным, спокойным, наполненным любовью, равнодушием, агрессией или ненавистью и т. п. Оно формируется на базе и вокруг СПФ, создавая разнообразную *психокультуру общества*. В психокультурном феномене *ценностный дискурс* задает психофрактальное — через основной механизм формирования типа отношений, которые конструируют поле сил.

Например, именно чувство глубинных ценностей народа и социума определяет уровень психологического напряжения между двумя идеологемами — «эссенциализма» (поиск корней новой коллективной идентичности в местных обычаях, упроченных учреждениях и достижениях общего опыта людей, т. е. в «прирожденном образе жизни», «почве») и «эпохализма» (с доминированием приоритетов быстроизменяющейся современности, «духа нашей

¹ По Гансу Селье: в отличие от стресса, выполняющего в целом позитивную роль в деятельности живого, дистресс — это трудно поправимый слом системы.

эпохи», общих очертаний и ведущих направлений современной истории). И напряжение тем больше, чем менее эти ценности отрефлексированы в общественном и политическом сознании. То же имеем, когда речь идет о напряжении между двумя мировоззренческими типами управления, — «натуралистами» (отдающими приоритет премордиальным элементам психосоциального бытия — языку, обычаям и т. п.) и «конструктивистами» (исповедующими «гражданскую», политическую модель нации, где видное место занимают националистические элементы и т. п.). То же наблюдаем в нарастании напряженности между двумя тенденциями в обществе: 1) *глобалистским* размыванием пространственных границ общественного порядка, созданием транснациональных социальных пространств, виртуальных психологических пространств, индивидуальных социальных сетей (так называемого «психологического соседства»), «сегментарных» стилей жизни, «гибридных» субкультур и т. д. и 2) *антиглобалистским* сопротивлением этим процессам, защищая упроченными обычаями и традициями реальных (а не виртуальных) локальных территориальных ценностей и общностей.

Не всегда в истории случается так, что кризисные события социум переосмысливает, делает определенные выводы, становится мудрее и в дальнейшем не повторяет ошибок прошлого. Часто опыт остается в недрах истории данного общества непереосмыслившим и в следующей ситуации, сходной с минувшей, попадает в «новую» историю со своими старыми ошибочными формами. И все, что когда-то уже было, повторяется будто бы впервые. Механизмы формирования этих дистрессовых архетипов, как и их разновидностей, являются одновременно механизмами формирования внутренне конфликтного социума.

После резких системных изменений, начавшихся в 1991 г., бывший Советский Союз и единый «советский народ» оказались в исторически бифуркационной ситуации: обновленным частям, которые еще вчера были элементами единого целого, уже сегодня надо было стать обновленным целым со своими собственными элементами. С точки зрения природы, здесь все нормально и не вызывает вопросов: новорожденные дети растут, развиваются, становятся взрослыми и только тогда приобретают готовность иметь собственных детей. Но с точки зрения революционной и насильтвенной социальности, новорожденные дети должны вновь, без вынашивания, сразу же родить полноценных детей. А поскольку после развала Союза даже за 13 последующих лет этого не случилось ни в одной бывшей советской республике, в политическом пространстве стал бурно обсуждаться вопрос: а почему одни народы смогли хотя бы что-то, а другие — совсем ничего. Все познается в сравнении. А потому ученые, журналисты, политики к анализу стали подключать Европу, Америку и даже далекий Восток(11). Благо, что виртуальное единство мирового информационного пространства поселяло приятные для многих аналитиков иллюзии легкости такого сравнительного дискурса. Тем не менее, по дедушке Крылову, «а воз и ныне там».

Революции и до сих пор воспринимаются в нашем психосоциальном пространстве как желанное цунами, которое должно сравнять с землей все, построенное до нее. Уже начиная с Великой французской революции ведется широкий и продолжительный дискурс по вопросам причин, смысла, средств осуществления и последствий революций. В этом дискурсе наметились две стороны — за и против революций: революции как спасение для народа и революции как проклятие для него.

На наш взгляд, сформировавшуюся потребность народа в социальных изменениях нужно воспринимать как пограничное состояние социума, как естественный и необходимый момент переосмыслиния общепринятых приоритетов и тенденций, как признак того, что закончился один этап в развитии общества и должен начаться следующий, более разумный, нравственный и эффективный. Но одно дело — удовлетворение такой потребности цивилизованным путем, а другое — революционным, т. е. путем «штурма Зимнего». С точки зрения психофрактальной теории более эффективный путь последующего этапа развития общества означает приближение этого общества к своему СПФ, метапрограмме, к структуре природных и психосоциальных шансов данного социума, т. е. приближение к той метапрограмме, цели или задаче, которая стоит перед человечеством в целом. Но любой последующий этап так или иначе базируется на предшествующем, на том, что уже переработано историческим

опытом, на тех событиях, переживаниях и здравом смысле, которые подсказали необходимость изменений господствующих паттернов поведения, жизненных ценностей и приоритетных путей достижения успеха.

К сожалению, как в Украине, так и в России, революция воспринимается как инструмент для слома всего предыдущего порядка, сбоя всех систем социального организма, разрушения системы регуляции и «обмена веществ», которые обеспечивались сложившейся структурой отношений внутри данного социума. Революция воспринимается и осуществляется здесь как приговор предшествующим элитам и работающим структурам, но на самом деле это приговор социуму и большинству. Резкая перегрузка социальных институтов — экономики, политики, культуры, образования — не могла не оказаться на масштабном насилии над несколькими поколениями людей, вынужденных в условиях этой перетасовки ценностей и правил игры не по своей воле существенно менять свою жизнь (чаще всего — к худшему). Общество «всеобщего согласия» превратилось в общество «всеобщего несогласия». Продолжительный период общественной дезорганизации и аномии воспринимается как аванс счастливому будущему. Если вспомнить вывод О. Конта о том, что коренные первоначальные общества — это общества «общего согласия» (т. е., с нашей точки зрения, общества с целостным СПФ в онтологических основах жизни сообщества), то человеческая история (в особенности с началом революционной поры человечества, а именно с 18-м в.) своим следствием имеет противоположную характеристику большинства социальных сообществ — общества «общего несогласия». Революции при этом стали играть роль мощных механизмов отключения социального интеллекта и здравого смысла этих обществ, перманентного апробирования метода «проб и ошибок», который мог бы быть перспективным только при условии осознания людьми тех фундаментальных первооснов, в которые они желали бы вплести современные технологии, при условии осмыслиенного воспроизведения первичных, здоровых и эффективных для данного социума программ и паттернов интегральных отношений.

Самоорганизация как механизм возникновения порядка из хаоса в ситуации, когда социальной парадигмой современной эпохи стало рациональное и *индивидуальное внеэтическое* (прагматическое, логическое, механистическое, видимое и пр.), — дело безнадежное: появившийся исторический «герой» не будет ждать медленной эволюции, если можно с помощью революции, социального шока, манипулирования огромными массами взять сегодня то, что завтра достанется другому. Иррадиация возбуждения, эмоциональная суггестия, создаваемое поле единых желаний тем сильнее, чем больше масса людей. То есть чем больше народа в стране, тем легче он воспламеняется, тем труднее его остановить, тем легче им манипулировать и тем большая ответственность ложится в этих условиях на политиков.

В первичном гармоническом традиционном обществе попытки любого нарушения внутренних или внешних сложившихся структур сопровождались серьезным контролем со стороны моральных императивов, т. е. инстинктивного естественного ощущения того, чего делать нельзя ни в коем случае и ни при каких условиях. С появлением индивидуальности как инициирующего субъекта и в особенности с появлением революционных «скакунов» подобные моральные императивы исчезли из социального интеллекта, как исчезают самые сильные иммунные свойства у любых биологических особей, подвергающихся по каким-то причинам мутации. Катастрофическое поглупление и замедление развития человеческого общества связано, очевидно, с подобной психосоциальной мутацией, из чего следует необходимость срочной работы, направленной на воссоздание первоначального морально-нравственного и интеллектуального генотипа человека.

Новообразования в генах-архетипах социальной жизни бывают двух видов — положительные и отрицательные. Первые пополняют арсенал психосоциального опыта человечества в периоды наиболее гармонических, светлых, свободных эпох или хотя бы моментов истории, когда бывали счастливы не отдельные индивиды, а большие человеческие сообщества («Золотой век» или день Победы 9 мая 1945 года). Вторые, отрицательные архетипические новообразования и травмы коллективного бессознательного формируются в кризисные,

тяжелые, аномичные периоды истории, в моменты разрушения главных ценностных конструктов общественной жизни. Они не исчезают с изменением ситуации, а превращаются в хронические болезни социума в виде неосознанного, непереработанного, неосмысленного «шмата» истории. Именно такие «рубцы» в критические периоды жизни социума во многом определяют динамику социальных движений, тональность социальных чувств, состояние массового сознания и поведенческие реакции людей и групп (вспомним «Доктора Живаго» Пастернака и сравним все описанные им признаки революционного кризиса с современным состоянием украинского или русского социума: все очень похоже!).

Трудно определить, когда и сколько отрицательных архетипов подарила история нашему народу. Мы можем анализировать последствия лишь тех событий, о которых имеется определенная информация, например, последствия насильственного насаждения новых религиозных доктрин или новых, модных, но не своих паттернов поведения (реформы Петра Великого, времена Богдана Хмельницкого и пр.).

Причина формирования дистрессовых архетипов — профессиональная неподготовленность власти к адекватному управлению социумом. Когда-то Творец подверг наказанию Адама и Еву за грех поспешности, за то, что слишком рано был сорван плод с дерева познания — ведь сознание еще не достигло необходимого уровня, чтобы распорядиться этим плодом здраво... Именно по причине несоответствия отклика социума на разные информационные сигналы с течением времени разрушались целесообразные первичные реакции, способность данного общества создавать новые, уникальные и при этом свои, родные средства ответа на новые варианты исторических ситуаций. Невидение ситуации такой, какой она есть на самом деле, в локальной реальности, приводит к разладу регуляторные механизмы социума, к активизации разного рода псевдорегуляций, автоматизмов, стереотипов, шаблонов, в том числе дистрессовых архетипов, которые имитируют процесс поиска адекватных реакций на кризис.

Трагедия заключается в том, что при фактической остановке, отключении социального интеллекта продолжается наращивание новой незнакомой информации (заказов, требований, ожиданий, проблем), которую выключенный социальный интеллект не может воспринять и осмыслить и которая остается в исторической памяти просто как информационный шум. Она не становится социальным опытом в таком виде и, фактически бесполезная, лежит в архивах социальной психики в качестве патогенного психокомплекса (в юнговском его понимании).

Форма ответа пространства на вызовы времени и ситуации бывает разной. Форма, при которой происходит мгновенное извлечение *того или иного решения из готового, обычно-повседневного* набора средств организации общественной жизни, присуща первому уровню работы коллективного предсознательного. Дело в том, что в общественной жизни, жизни политикума, потребность в изменениях, как правило, не сопровождается серьезной подготовкой и рациональным планированием системного характера. Возможно, это происходит потому, что политики не готовы работать со свойствами системного характера. А потому, несмотря на понимание необходимости изменений и даже на их ожидание, эти изменения «наваливаются» будто внезапно, и из арсенала архетиповых форм в зависимости от типа лидера «вынимается» то или другое, срабатывает логика дистрессового опыта — нередко неадекватного, несоответствующего, а иногда даже чужого (чем Украина, например, очень любит заниматься). Чисто «инстинктивная» форма борьбы с социальными фрустрациями присуща архаическим обществам, но архаика как догосударственный способ решения новых проблем общественной жизни присуща и многим современным обществам. Наиболее творческими, или, по Сорокину, «счастливыми», сегодня можно считать страны, которые придерживаются определенного нейтралитета и не стараются никому ничего доказывать или что-то навязывать.

Большинство историков представляют дело так, будто общество легко справляется с такими разрушительными ситуациями, быстро «становится на ноги», «выметает мусор из дома» и на основе добытого опыта строит новую жизнь. Тем не менее скорость и качество

развития нашего украинского общества свидетельствует о том, что все намного сложнее, и прошлого опыта поражений как будто и не бывало. Дистрессовые архетипы — это своего рода патологический паттерн поведения отколотой части коллективной психики, ставшей самостоятельной и развивающейся как бы внутрь, где он вызывает интенсивные бессознательные компенсации. Автономия, деструктивность и, главное, продолжительность подспудного действия этого запутанного комплекса формируют такие серьезные проблемы, как отчуждение народа от самого себя и разрушение его души. Любой комплекс, в том числе дистрессовый, в принципе обладает самоорганизационной тенденцией к нормализации, но для этого необходимы соответствующие предпосылки. Одной из таких предпосылок может быть встраивание его в иерархию высших психических ценностей, связей и структурных взаимоотношений системы (социума, общества), где он может локализоваться, почувствовать себя «лишним» и «самоликвидироваться». Следовательно, работа с ним только как с местным нарывом вряд ли принесет плоды, как и просто выведение факта его существования на уровень осознания.

В каждом обществе есть свои дистрессовые архетипы, которые становятся для него чем-то вроде переносной тюрьмы. Абсурдность повторяемой дистрессовой ситуации в том, что люди при аналогичных стечениях обстоятельств благодаря ассоциативной родовой памяти осуществляют какие-то действия, волнуются, иногда даже развивают бешеную активность, в то время как все эти шаги никак не связаны по смыслу с тем, что происходит на самом деле. Вся социальная динамика находится будто под наркозом и на самом деле является абсолютно неадекватной глубинным требованиям ситуации. Но выглядит при этом хорошо. Как говорят в народе: «дела плохие, но идут хорошо».

Архетипы исторического дистрессового опыта в коллективном бессознательном — это мина-ловушка для нашего современника, который невольно превращается в активатора далеких событий не очень хорошего для данного социума прошлого. Так, все, что происходило в ситуации первого перестроечного путча в России (1991г), походило на какой-то фарс, на хроникально-документальный фильм о временах бушующих событий Великого октября 1917г. А то, что происходит сегодня в сфере высшего украинского политикума, — на коварное поведение казацкой старшины в 17-м веке.

В том случае, когда активность социально-влиятельного субъекта или властных структур превышает уровень осмыслиения им ситуации, страдают здравый смысл и замысел ситуации, вступает в силу так называемый закон нетождественности: именно от неадекватности, нетождественности активности и уровня осмыслиения ее глубинной социетальной мотивации происходит разрушение, расцветают ложь, отчужденность, разобщенность, преступность, усиливается состояние хаоса и творческий потенциал ситуации сводится к узко-групповому эгоцентризму. От нетождественности рождаются дезадаптация больших групп населения и дезинтеграция всей общественной структуры.

В обществе должен действовать кодекс управления обществом с учетом законов психической природы, например: для обеспечения нормальной жизни общества в рамках отдельного социума энергия регулирования должна быть сильнее, чем энергия нарастания угрожающей информации (то есть информации, которая попадает на неподготовленную почву).

В состоянии хаоса формируются *паттерны разорванных взаимосвязей и неадекватных реакций*, которые в этом же качестве «забрасываются» в социальную память, где и лежат в виде зашифрованного кода до следующей аналогичной ситуации. Как только в обществе возникает узор (похожая структура, тип, схема) той ситуации, в которой в свое время образовался дистрессовый архетип, начинают срабатывать его механизмы. Причем он актуализируется полностью, в одном и том же первичном виде: без деталей и расшифровки.

Следует подчеркнуть очень важное обстоятельство, а именно: *определенные паттерны отношений играют едва ли не решающую роль в формировании макросоциального поля социума, доминирующей макрополитической системы на определенный период*. А потому вполне понятно, почему мы, украинцы, так долго не могли отойти от дистрессового

паттерна взаимоотношений между народом и властью, а также между разными ветвями власти: ведь вся известная нам история Русов (несмотря на ее разнотечения) не отходит от проблемы междуусобиц, конфликтов, насилия и ненависти.

После каждой дистрессовой (революционной) ситуации социум становится все глупее и глупее, так как непереработанная информация не может привести к принятию новых эффективных решений, а «включает» лишь тактическую активность ухода от реально существующих проблем. В стихии революции абсолютное добро как ее цель совпадает с абсолютным злом (коллективная память переживших это удерживает страшные моменты террора — моменты свободы, легкости и даже старательности в резне стариков и младенцев, женщин и детей). В моменты революционной стихии массы освобождаются от первых и последних моральных ограничений — уважения к власти, христианской религии, чужой жизни и высшим силам вообще. Трудно сказать, с какого момента начали накапливаться отрицательные архетипы на украинском психосоциальном пространстве, но известно, что первая «революция» в Украине состоялась в момент принятия византийской версии христианства. Может, именно тогда система украинских общественных структур потеряла свою *гибкость*, которая, как правило, является залогом перспективного развития страны? Существует версия, что с русскими структурами это сделали Великая октябрьская социалистическая революция 1917г. и «юридическая», «Союзная» революция 1922 года, заложившие потенциал революции 1991 года...

Тойнби ввел понятие *социального «мимесиса»* (наследование, вкус), которому присущ риск катастрофы. Этот риск возрастает, когда общество находится в процессе динамической трансформации (хаотичном состоянии), и снижается, когда оно в стабильном, конвенциональном состоянии. Мимесис предполагает механический *ответ, заимствованный из другого общества*, вследствие чего поведение, рожденное мимесисом, не имеет собственной внутренней инициативы, оно не самоопределено, а потому — ненадежно.

Дистрессовый опыт отдельных народов — это своего рода отход этих народов от своей самости, своего природного назначения, это дань чужим ценностям и идеологическим пристрастиям. Это социетальный невроз, полученный вследствие прихода к лидерству самоуверенных, непрофессиональных и, более того, психически неполноценных политиков. Психологический анализ действий Робеспьера и других вожаков якобинской революции во Франции, Гитлера в Германии, Ленина и Сталина в России приводит к констатации их «застревания» на идее «фикс», параноидального фанатизма, патологического недоверия к окружающим, глубокого эгоистического нарциссизма и, наконец, нарастающего маниакального стремления ощущать пьянящий вкус неограниченной власти. В подобных состояниях психики политик руководствуется патологической рациональностью, его игра на поле социума ничем не отличается от игры на шахматной доске. Метацель — выиграть — сопровождается уничтожением всего и всех, стоящих на пути. Приведение в реальное соответствие прав индивида и интересов общества, якобы стоящее у истоков любой революции, с точки зрения системных итогов, — миф.

Нужно посочувствовать человеку как природному существу, которое не имеет возможности систематического выброса накапливающейся неотработанной энергии подобно тому, как это делают, например, дикие звери. Неотработанность природной и социальной энергии у человека тесно связана с тем или иным способом переработки им информации. Эти два тесно взаимосвязанных и взаимозависимых процесса способны переливаться друг в друга, способны быть взаимозаменяемыми. Но если человек не имеет возможности перевести свою неизрасходованную энергию в переработку информации, в нем формируется готовность и даже потребность к участию в стихийных бунтах, сопровождающих и оправдывающих любое революционное действие. Общество творческих людей вряд ли будет способно к революциям такого типа.

Можно сказать, что сумма дистрессовых архетипов социума, полученных вследствие неосмысленных, полубезумных выступлений революционных масс, — это сегодня *вторичная ментальность*, вторичный психосоциальный организм, система дистрессового КВАЗИ-

СПФ, которая может функционировать довольно долго, превращаясь в повседневную форму существования общества. Выходом из этой тупиковой ментальности является резкое повышение саморефлексивности общества, замещение истории фактов и событий историей проблем и закономерностей, повышение задействованности людей в творчестве, имеющем общественное одобрение.

Хвала Богу, Украина, кажется, сегодня избавляется от своего дистрессового опыта.

Как же назвать то, что происходит сегодня с Украиной? Революцией либо социально-политическим взрывом? Кризисом либо актом гражданского неповиновения? Антиконституционным «шабашем» оппозиции, акцией гражданского протesta, сбирающим толпы, митингом или фестивалем?

Вряд ли ЭТО можно назвать просто кризисом. Кризисы в Украине давно уже стали постоянной составляющей ее социальной, экономической и политической жизни.

Не похоже, чтобы ЭТО было обычной революцией, то есть насильственным словом существующей системы. Разве не учили нас когда-то теории социалистической революции, долго и серьезно подготавливающейся и совершающейся «по всем правилам» — с неисчислимными жертвами и бедствиями? Разве не наблюдаем мы и сегодня революционно-освободительные движения и перевороты, сопровождающиеся, как правило, террором, смертью и разрушой? Не обошелся без этого и поныне не завершенный процесс «мирного» распада Советского Союза. Классическая революция — это когда низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому. В Украине немного не так: верхи могут, а низы уже не могут жить по-старому. Сторонники старо-революционной версии ожидают от участников «неповиновения» именно революционного развития событий, тем самым невольно конструируя, как бы направляя события по революционному сценарию. Пользуясь ленинскими формулами, они призывают не упустить момент («сегодня рано, но завтра будет поздно»), брать власть силой, готовиться к наступлению, подготовить либо предупредить контрреволюцию и пр.

Те, кто считает ЭТО организованным митингом, настроены более чем спокойно и легко, так как митинги в устоявшейся советской ментальности никогда ни на что серьезно не влияли. А к различным акциям в обществе развивающегося рынка привыкли даже дети. Само слово «акция» предполагает некую флюктуацию одного и того же явления или процесса. Люди, видящие в участниках уникального действия толпу, отрепетированно комментируют и прогнозируют то, что наработано «отцами» толпы, — Тардом, Фрейдом, Лебоном, Мусковичи и пр.: толпа любит героя, она, не думая, пойдет за ним и в пропасть, она иррациональна, опасна и непредсказуема, она — непредсказуемая женщина, стихия, которую надо опасаться и т. п.

Что касается «шабаша с наколотыми апельсинами» или «ползучего государственного переворота с мощными технологиями и спецслужбами», то носители такого взгляда, несомненно, мстят за «роковые яйца».

А вот те, кто оценивает ЭТО как антиконституционный акт, скорее всего неправы. Просто по многовековой привычке, вошедшей в родовую память, никто не способен увидеть в ЭТОМ **прямое, но вполне легитимное и правовое вмешательство народа в коррекцию власти.**

Статья поступила в редакцию 28.05.2007 г.